Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ

Анализ важнейших трендов глобального экономического роста

Москва
ИД «Ключ-С»
2013

УДК 338(100):330.35
ББК 65.5-962
М48

Рецензенты
доктор экономических наук, профессор А. И. Бельчук
доктор экономических наук, профессор В. А. Исаев

Мельянцев, Виталий Альбертович
М48 Анализ важнейших трендов глобального экономического роста / В. А. Мельянцев ; Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – Москва : Ключ-С, 2013. – 40 с.
ISBN 978-5-93136-190-1

В работе на основе многочисленных авторских расчетов, применения ряда статистико-математических моделей исследуются долговременные, современные и перспективные траектории глобального экономического роста, важнейшие его составляющие, факторы и социальные последствия в развитых и развивающихся странах. Уточняются масштабы и причины торможения роста в экономически продвинутых государствах. Анализируются факторы, важнейшие пропорции и ограничители роста азиатских экономик. Дается прогнозная оценка контуров мирохозяйственного роста на ближайшее десятилетие.

УДК 338(100):330.35
ББК 65.5-962

Подписано в печать 14.12.2012. Формат 60x841/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 2,5. Тираж 150
Издательский дом «Ключ-С» 127051, Москва, Малый Каретный переулок, д. 11
Тел./факс (495) 660-66-21
Отпечатано в Издательском центре ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, ул. Моховая, 11.

ISBN 978-5-93136-190-1

© Мельянцев В. А., 2013
© Оформление. ИД «Ключ-С», 2013

Содержание

Введение 4

1. Переход к современному экономическому росту – величайший рывок в экономической истории человечества 5

2. Парадокс торможения глобального роста в последние десятилетия 8

3. Противоречивое воздействие глобализации на развитие мировой экономики 10

4. Влияние изменений в структуре занятости на глобальный экономический рост 14

5. Динамика нормы капиталовложений, их эффективности и совокупной факторной производительности 18

6. Уточнение оценок темпов, уровней и потенциалов развития в экономически более и менее продвинутых странах 27

7. Социально-экономические и политические последствия глобального экономического роста 32

Прогноз (вместо заключения) 39

Введение

Методологически весьма полезной представляется мысль Дж.М. Кейнса о том, что «экономист высшей пробы должен *изучать настоящее в свете прошлого во имя будущего*»[1]. Для выявления устойчивых закономерностей целесообразно объединить мир-системный подход И. Валлерстайна с броделевским принципом исследования длительных временных протяженностей («longues durées»). Накопленный к настоящему времени массив статистических данных, собранных благодаря усилиям С. Кузнеца, А. Мэддисона, П. Бэрока, других ученых и международных аналитических центров, позволяет, используя сравнительно несложные статистико-экономические процедуры, уточнить картину глобального роста[2], о траекториях и перспективах которого сейчас ведется немало споров[3].

---

[1] Цит. по: Кузакова О.А., Бобко Е.И. История мировой экономики. СПб, 2011. С. 8. Похожие принципы разделяли и другие мыслители. Например, автор «Мегатрендов» (1984 г.) Дж. Нейсбит считал, что «самый надежный способ предугадать будущее – понять настоящее». У. Черчилль подходил еще масштабнее: «Чем глубже вы можете заглянуть в прошлое, тем дальше вы можете заглянуть в будущее» (См.: East or Famine // The Economist, February 27th, 2010).

[2] Как справедливо заметил один из ведущих аналитиков Financial Times, Мартин Вольф, «рост – не все, но основание всего» (Wolf M. Useful Dos and Don’ts for Fast Economic Growth //The Financial Times, June 3, 2008).

[3] См.: Россия и мир в 2020 г. М., 2005; Колодко Гж. Мир в движении. М., 2009; Шапиро Р. Прогноз на будущее. М., 2009; Прогноз и моделирование кризисов в мировой динамике. Отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий. М., 2009; Фридман Дж. Следующие сто лет. М., 2010; Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. Под ред. акад. А.А. Дынкина. М., 2011; Россия в полицентричном мире. Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М., 2011; Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. М., 2011; Акимов А.В., Яковлев А.И. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М., 2012; Мир в 2050 г. Под ред. Д. Франклина и Дж. Эндрюса, М., 2013.

1. Переход к современному экономическому росту – величайший рывок в экономической истории человечества

Оценивая долговременные тенденции мирового развития, можно обнаружить, что в результате трансформаций, инициированных промышленной и в последние десятилетия информационной революцией, возникновения *современного экономического роста*[4], произошло – отчасти вопреки, а быть может, согласно Э. Бозерап[5], в немалой мере благодаря существенному ускорению динамики численности населения[6] (см. граф. 1) – феноменальное по своим масштабам повышение темпов прироста мирового ВВП в расчете на душу населения (граф. 2) и индекса человеческого развития (ИЧР, граф. 3).

---

[4] См.: Kuznets S. Modern Economic Growth. New Haven, 1966. Под современным экономическим ростом можно понимать существенное, длительное, относительно устойчивое увеличение конечного общественного продукта (ВВП, ВНП, национального дохода в неизменных ценах) в расчете на душу населения, сопровождаемое глубокими и сравнительно быстрыми изменениями в его секторных и функциональных составляющих, ведущими к увеличению эффективности и повышению меры интенсификации экономики (См.: Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996, с. 14).

[5] См.: Boserup E. Population and Technology. Oxford, 1981, а также: Ashraf Q., Galor O. Dynamics and Stagnation in the Malthusian Epoch // The American Economic Review, 2011, vol. 101, N 5.

[6] Влияние роста численности населения на экономическое развитие носит амбивалентный характер (см.: Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М., 2012). Широко известны отрицательные т. н. мальтузианские шоки. Но серьезные «вызовы» (по А.Дж. Тойнби) нередко подталкивали человечество к технологическим и институциональным инновациям (Дж. Шумпетер). Возросшая численность и плотность населения при определенных обстоятельствах могут способствовать развитию позитивных экстерналий – через рост спроса, расширение рынков, повышение интенсивности разнообразных коммуникаций, усиление действия законов конкуренции в обществе, ускорение темпов генерации и диффузии идей. Эмпирически на материалах мировой статистики несложно установить, что, при прочих равных условиях, когда среднегодовые темпы прироста численности населения существенно выше (или существенно ниже) 1%, наблюдается в тенденции замедление роста подушевого экономического роста.

График 1.

Рассчитано по: Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD. New York, 2007, p. 376; The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D. C., 2012, p. 42–44.

ИЧР, который за первые восемьсот лет прошлого тысячелетия в целом по миру вырос не более чем на 1/10[7], в последующие сто пятьдесят лет увеличился более чем втрое, а затем всего за шесть послевоенных десятилетий повысился как минимум в 2.5 раза. Заметим, что будущие развитые страны, которые по рассматриваемому показателю к началу второго тысячелетия отставали в целом от стран Востока и Юга почти вдвое, сумели, прежде всего, вследствие существенного прогресса в своих институциональных и технологических структурах[8], обогнать последних

[7] В средневековье жизнь, по Т. Гоббсу (автору «Левиафана», 1651 г.), была, в отличие от романтизированной в кинематографе картины, в целом препротивной – «solitary, poor, nasty, brutish, and short» (цит. по: Ferguson N. Civilization. The West and the Rest. New York, 2011, p. 24). Но капитализм, при всех его изъянах и недостатках, сделал ее для подавляющей части человечества лучше.

[8] О проблемах институциональной и технологической зрелости стран Запада и Востока в доиндустриальную эпоху см.: Алаев Л.Б. История Востока. М., 2007; Васильев Л.С. История Востока. Т. 1–2. М. 1994; Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. Отв. ред. П.Ю. Уваров. М., 2012; Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция: генезис и транс-

также, примерно вдвое, к началу промышленного переворота. Максимальным (четырехкратным – по ИЧР) этот разрыв оказался в 1913 и 1950 гг.[9], а затем в результате разнотемповости процессов экономического роста и социо-культурного развития в целом по развитым государствам (РГ) и развивающимся странам (РС)[10] он сократился до трехкратного в 1980 г. и примерно 2.5-кратного в 2010 г.

формации мир-системы. М., 2009; Красильщиков В.А. Превращения доктора Фауста (Развитие человека и экономический прогресс Запада). М., 1994; Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990; Мейер М.С. Османская империя в XVIII в.: черты структурного кризиса. М., 1991; Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996; Непомнин О.Е., Иванов Н.А. Типология азиатских обществ. М., 2010; Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008; Петров А.М. Запад-Восток. М., 1996; Рейснер Л.И. Цивилизация и способ общения. М., 1993; Фурсов А.И. Великая тайна Запада: формационное и цивилизационное в становлении европейского исторического субъекта // Европа: новые судьбы старого континента. Ч. 1. М., 1992; Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975; Широков Г.К. Восток: панорама новейшего времени. М., 2003; Ferguson N. Civilization. The West and the Rest. New York, 2011; Jones E.L. European Miracle. Cambridge, 1983; Landes D. The Unbound Prometeus. Cambridge, 1969; McNeill. W.H. The Pursuit of Power. Technology, Armed Forces and Society Since AD 1000. Chicago, 1982; Mokyr J. The Lever of Riches. New York, 1990; Morris I. Why the West Rules for Now. The Patterns of History and What They Reveal About the Future. London, 2011; Persson K.G. An Economic History of Europe. Cambridge, 2011; Clark G. A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Princeton, 2007. Тема остается дискуссионной. Часть исследователей приводит аргументы в защиту тезиса о том, что к началу промышленного переворота ряд регионов Востока экономически не (сильно) отставал от стран Запада. См.: Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI siècle à nos jours. Tome 1–3. Paris, 1997; Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, 1998; Goldstone J. Why Europe. The Rise of the West in World History, 1500–1800. New York, 2009; Hobson J. The Eastern Origins of Western Civilizations. Cambridge, 2005; Pomeranz K. The Great Divergence. China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton, 2000; Reinert E. How Rich Counties Got Rich … And Why Poor Countries Stay Poor. New York., 2007; Wallerstein I. The Modern World System. Vol. I–III. New York, 1974, 1980, 1989.

[9] См. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии, с. 145.

[10] Для решения основной задачи, поставленной в работе, в ней допущен ряд упрощений. В частности, в группу РС включены и переходные экономики. Некоторые из них, хотя и отличаются в лучшую сторону по уровню развития от многих РС, в разы отстают по этому же критерию от РГ. В 2010 г. подушевой ВНП (в ППС) в РФ не превышал двух пятых от уровня США, в Казахстане – трети от Японии, в Украине – одной пятой от Германии. На страны СНГ приходится менее 8–9% совокупного ВВП развивающихся и переходных экономик (Рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2012, p. 20–22; The IMF. World Economic Outlook, October 2012, p. 179).

2. Парадокс торможения глобального роста в последние десятилетия

Уильям Петти считал, что в основе экономики, как науки, – дефицит, дисбаланс, диспропорции, которые надлежит исправить. Поэтому, ничуть не умаляя успехов, достигнутых человечеством за прошлые столетия, обратим особое внимание на существенные сбои в глобальном росте последних десятилетий, которые усугубились кризисными явлениями, охватившими в конце 2000-х – начале 2010-х годов РГ, переходные экономики и ряд РС. Хотя в мире продолжается НТР, наступила эра информационных (плюс био- и нано-) технологий, а также произошло значительное (почти на две пятых) уменьшение среднегодовых темпов прироста численности населения (с 1.9–2.0% в 1960-е до 1.2% в 2000-е гг.), среднегодовые (учтенные) темпы прироста глобального ВВП в расчете на душу населения не выросли, а сократились более чем на четверть – с 2.7–2.8% 1950–1980 гг. до 1.9–2.1% в 1980–2010/2012 гг. (см. граф. 2)[11].

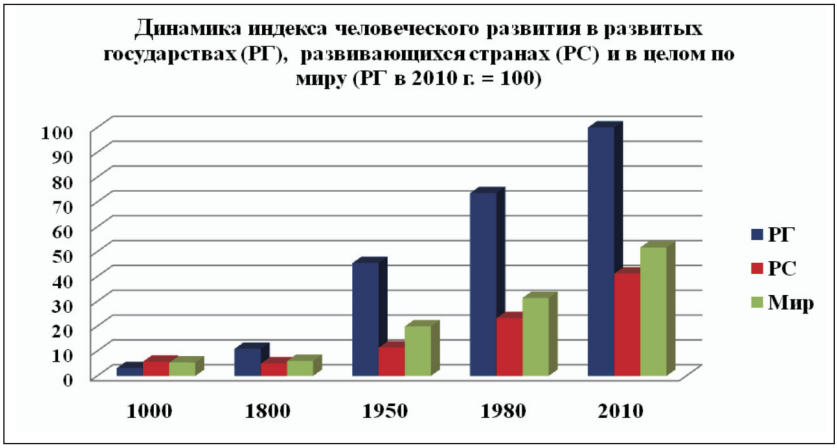
То, что темпы прироста мирового ВВП в расчете на душу населения не снизились еще больше, связано с тем, что резкое падение этого показателя в РГ (с 3.6% в год в 1950–1980 гг. до 2.5% в 1980-е гг., 1.8% в 1990-е гг. и 1.2% в 2000-е гг.) было в известной мере компенсировано его увеличением в РС (с 2.6% в 1950–1980 гг. до 3.1% в 1980–2010 гг.). В результате, как бы это ни звучало диссонансом в контексте продолжающихся дискуссий о мировом кризисе, среднегодовые темпы прироста глобального ВВП в расчете на душу населения выросли с 1.5–1.6% в 1980-е гг. до 1.6–1.8% в 1990-е гг. и 2.8–3.0% в 2000-е гг. При этом доля РС в приросте глобального ВВП увеличилась с немногим более одной четверти в 1800–1950 гг. до двух пятых в 1950–1980-е гг., свыше трех пятых в 1990-е гг. и почти трех четвертей в 2000-е гг. (см. граф. 4). Основываясь на оцен-

[11] Это – расчеты *в паритетах покупательной способности валют*, которые придавая больший вес относительно быстро растущим показателям ВВП по РС (в них средний уровень цен ниже международных), рисуют не самую пессимистическую картину. Среднегодовые темпы прироста глобального ВВП на душу населения, рассчитанного в неизменных ценах на базе *валютных курсов*, как это нередко практикуется в докладах и обзорах МВФ и Всемирного банка, демонстрируют намного большее снижение – с 2.8–2.9% в 1950–1960-е гг. до 1.4–1.5% в 1970–2000-е гг. (Рассчитано по источникам к граф. 2).

График 2.

Рассчитано на основе данных в ППС 2010 г. по: The World Bank. World Development Indicators, 2012, p. 42–44, 214–216; The IMF. World Economic Outlook, September 2011, p. 167; October 2012, p. 190; Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, 2003, p. 174, 232–233; Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996, с. 61, 145.

График 3.



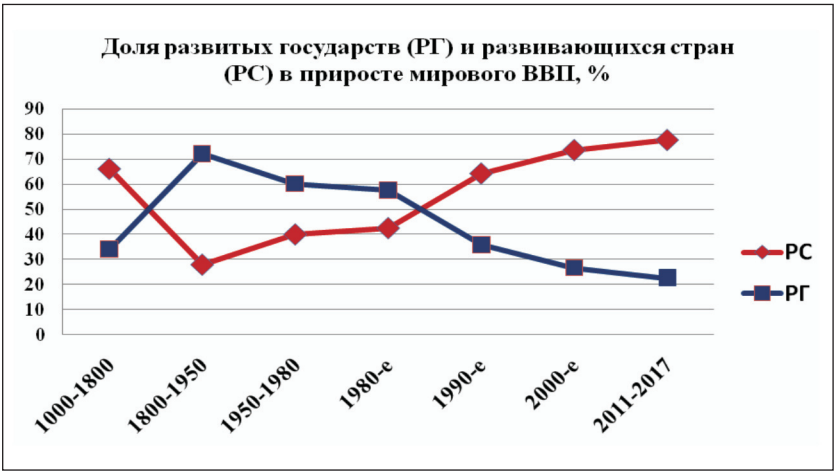
Примечание. Индекс человеческого развития (ИЧР) рассчитан как среднегеометрическое относительных показателей подушевого ВВП (в ППС 2010 г.), средней продолжительности предстоящей жизни от рождения, уровня образования взрослого населения (за 1000–1800 гг. оценено по грамотности, за 1800–2010 гг. – по среднему числу лет обучения). ИЧР по группам стран и в целом по миру взвешен по численности населения.

Рассчитано по: Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии, с. 61, 145; он же, Как это произошло. Возникновение интенсивного способа производ-

ства в ныне развитых, развивающихся странах и России // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение, 2004, №3, с. 36–37; он же, Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (Сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.). М., 2009, с. 206; The World Bank. World Development Indicators, 2012, p. 22, 86–88, 130, 214–216.

ках МВФ, можно предположить, что этот показатель составит в 2011–2012 гг. 79–81% и будет на уровне 74–76% в период между 2013 и 2017 гг.[12]

График 4.



Рассчитано по источникам к граф. 2 и 3.

3. Противоречивое воздействие глобализации на развитие мировой экономики

Начавшаяся, по сути, с эпохи Великих географических открытий, глобализация прошла, как известно, несколько фаз (со своими «приливами» и «отливами»), обусловив в результате масштабное межстрановое перемещение людей, рабочей силы, еще боль-

[12] См.: The IMF. World Economic Outlook. October 2012. Washington, D. C., 2012. P. 179–190. Увеличение доли РС в приросте глобального ВВП прежде всего связано с т.н. «азиатизацией» мирового роста, повышением вклада Китая (с 8% в 1980-е годы до 16% в 1990-е, 28% в 2000-е и 32–33% в 2010–2012 гг.) и Индии (соответственно с 4% до 6, 11 и 16%).

ше – капиталов, технологий, идей, а также товаров и услуг. Она, без преувеличения, оказала огромное, хотя и неоднозначное воздействие на мировое развитие.

Но все же завышать ее масштаб не стоит. Только 2% студентов учатся в зарубежных вузах, 3% людей живут не в тех странах, где родились, 7% риса торгуется на внешних рынках, менее 1% американских компаний экспортируют свою продукцию (причем почти три пятых из них только в одну страну). Приток ПИИ не превышает десятой от объема мировых капиталовложений, менее одной пятой венчурного капитала используется вне страны. Примерно такую же долю составляют акции, которые в среднем по миру принадлежат иностранцам. И не больше пропорция интернет-трафика пока еще переходит национальные границы[13].

Тем не менее, применив несложную формулу, можно установить, что вклад экспорта товаров и услуг в прирост глобального ВВП вырос с 1–3% в 1500–1800 гг. до 10–12% в 1800–1950 гг., затем удвоился (до 23–25%) в 1950–1980 гг., а в последующие три десятилетия еще раз почти удвоился (до 42–44%, в т. ч. в РС до 36–38% и в РГ – до 49–51%)[14].

В отсутствии эффективно работающих международных регуляторов сильно возросшая в последние десятилетия открытость национальных экономик и либерализация их валютно-финансовых систем существенно увеличили нестабильность в мировом хозяйстве, привели к росту числа финансово-экономических кризисов[15], последний из которых нанес серьезный удар по механизмам воспроизводства в РГ, резко ослабив их международную конкурентоспособность. Неустойчивость роста мирового ВВП, измеренная по коэффициенту ва-

[13] См.: Crooks E. America: Riveting Prospects // The Financial Times, January 6, 2011; The Case Against Globaloney // The Economist, April 23rd, 2011.

[14] Рассчитано по следующей формуле: $\mathbf{V = [a*0.5\ (b_1 + b_2): c] * 100, \%}$, где **V** – вклад экспорта в прирост ВВП, **a** и **c** – среднегодовые темпы прироста экспорта и ВВП, $\mathbf{b_1}$ и $\mathbf{b_2}$ – доля экспорта товаров и услуг в ВВП соответственно в начале и конце периода. Исходные данные взяты из источников к граф. 2 и 3, а также: Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI siècle à nos jours. Paris, 1997, tome 2. p. 306; Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris, 1995, p. 38, 236, 239; The World Bank. World Development Indicators, 1998, p. 206; 2012, p. 244, 248; Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии, с. 87, 111.

[15] См.: Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок. М., 2011.

риации темпов прироста вокруг среднего[16], выросла более чем на три четверти – с 20–21% в 1950–1960-е гг. до 28% в 1970–1980-е гг. и 36–37% в 1990–2000-е гг. (в 2008–2012 гг. коэффициент составил 66%)[17]. Нестабильность воспроизводства ВВП повысилась в среднем и по РС, но по РГ она увеличилась в целом за три выделенных субпериода в разы – с 28% до 54 и 75% (см. граф. 5–7).

График 5.

В сложившихся условиях в последние десятилетия бизнес-сообществу в РГ оказалось выгодным интенсифицировать передислокацию капиталов, технологий и рабочих мест из центров мирового хозяйства на (полу) периферию, в страны с низкими социальными и экологическими издержками производства, располагающими большими контингентами дешевой и дееспособной рабочей силы, имеющими относительно устойчивые политические режимы и проводящими не без помощи советников из МВФ, Всемирного банка и ВТО более или менее разумную макроэкономи-

[16] Коэффициент погодовой флуктуации (нестабильности) рассчитан по следующей формуле: $\mathbf{F= \{ [\sum (y_i-\bar{y})^2] \cdot n^{-1}\}^{0.5} \cdot (\bar{y}^{-1}) \cdot 100, (\%)}$, где **F** – коэффициент флуктуации, $\mathbf{y_i}$ и $\bar{\mathbf{y}}$ – соответственно темп прироста ВВП в **i**-м году и среднегодовой темп прироста ВВП за период, охватывающий **n** лет.

[17] Это – минимальные значения коэффициента, сдемпфированные эффектом прямого агрегирования данных по примерно двум сотням стран мира. Взвешенные по объемам ВВП в ППС за соответствующие субпериоды данные о страновых коэффициентах нестабильности роста могут выявить большие масштабы нестабильности роста в мире.

ческую политику[18]. За 1989–2009 гг. доля занятых в зарубежных филиалах американских ТНК выросла с 1/5 до 1/3. По данным Торговой Палаты США, американские компании зарабатывают ныне от своих внешних операций втрое больше, чем от экспорта товаров и услуг[19].

График 6.

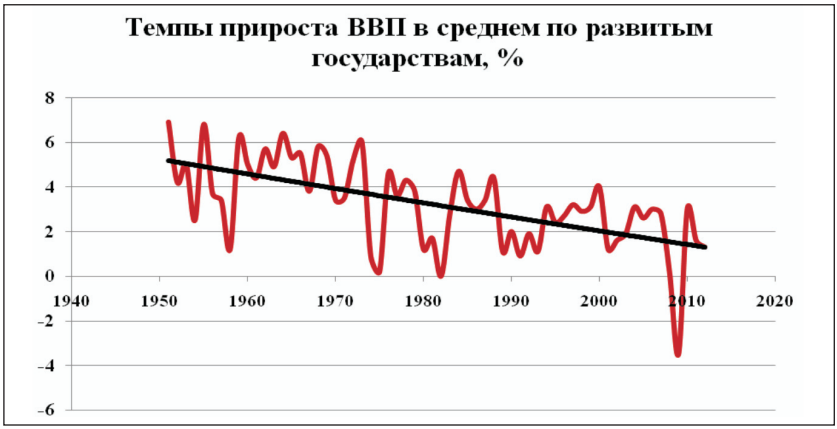


График 7.

[18] См.: Kollmeyer Chr. Explaining Deindustrialization // American Journal of Sociology, 2009, vol. 114, N 6, p. 1667–1670.

[19] См.: Crooks E. America: Riveting Prospects // The Financial Times, January 6, 2011; This Time It's Serious // The Economist, February 18th, 2012). Все это, конечно, неплохо для ТНК США, но далеко не так хорошо для внутренней экономики страны и основной части ее населения, проигрывающей в борьбе за часть рабочих мест. Прав Т. Фридман, сказав, что «глобальное поле для конкурентной борьбы выравнивается. Мир стал плоским» (см.: Фридман Т. Плоский мир: краткая история XXI века. М., 2006, с. 13). В результате, как кто-то весьма резонно заметил, немалой части населения в РГ теперь придется работать «longer, harder and for less».

Граф. 5–7 рассчитаны по: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, 2003, p. 236; The IMF. World Economic Outlook, October 2008, p. 259; October 2012, p. 190.

Заметим, что доля РС в глобальном притоке ПИИ, осуществляемом при активном участии ТНК, возросла за 1980–2011 гг. с 14–21%[20] до 50–51%. И, хотя позиции РГ в общем объеме накопленных ПИИ все еще весьма солидны, доля РС в аккумулированном объеме ПИИ увеличилась с ¼ в 1990 г. до более 1/3 в 2011 г.[21] Это придало немалый импульс развитию нескольким десяткам стран Востока и Юга, усилило международное разделение труда и интеграционные связи в мировом хозяйстве. Но одновременно эти факторы подстегнули неоднозначные по своему характеру и последствиям процессы деиндустриализации[22] и сервисизации производства и занятости, происходящие в РГ.

4. Влияние изменений в структуре занятости на глобальный экономический рост

Приведенные в табл. 1 данные говорят о нарастающей в тенденции интенсивности и весьма существенной противоречивости изменений в структуре мировой занятости. Среднегодовой темп прироста суммы абсолютных величин сдвигов в секторной (отраслевой) структуре[23] занятости вырос в целом по миру с 0.0% в 1500–1800 гг. до 0.2% в 1800–1950 гг., 0.6% в 1950–1980 гг. и 1.0% в 1980–2010 гг. (показатель по РГ повысился соответственно с 0.1% до 0.4, 0.9 и 1.0%, а по РС – с 0.0% до 0.2, 0.6 и 1.0%). Дезаграризация структуры занятости, обнаружившаяся

[20] Оценки варьируют в зависимости от методологии подсчетов.

[21] Составлено и рассчитано по: UNCTAD. World Investment Report, 2012. New York, 2012, p. 169, 173; Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен, с. 97–98. О метаморфозах в потоках ПИИ в РС и в целом по миру см.: Цветкова Н.Н. ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. М., 2011.

[22] См.: Wood A., Mayer J. Has China De-industrialized Other Developing Countries // The Review of World Economies, 2011, vol. 147, N 2, p. 325–350.

[23] Интенсивность сдвигов в структуре занятости **(J)** рассчитана по следующей формуле:

$$\mathbf{J = \{ [(100 + \sum_{i=1}^{n} | Ait - Ai0 |)/100]^{1/t} - 1\} *100, \%,}$$

где $\boldsymbol{A_i}$ – доля сектора $\boldsymbol{i}$ в занятости в проц. пунктах в начальном или конечном моментах периода (**0, t**), **n** – число секторов (в данном случае – три: аграрный, индустриальный, третичный).

в мире (прежде всего в будущих РГ) еще в предындустриальную эпоху, резко усилилась с начала промышленного переворота и сопровождалась увеличением долей в занятости как вторичного, так и третичного секторов экономики вплоть примерно до 1980 г. После этого в течение последних десятилетий доля индустриального сектора в занятости в среднем по странам Запада и Японии сократилась более чем на треть, а в РС ее среднегодовой темп прироста уменьшился почти вдвое.

В целом по миру доля занятости во вторичном секторе экономики мало изменилась с 1980 по 2010 г. (оставаясь на уровне 21–22%), что в значительной мере связано со сравнительно низкой трудоабсорбционной способностью современной промышленности, а также возросшим спросом в мире (в условиях информационной революции и глобализации) на ряд производственных, социально-культурных и торгово-финансовых услуг (хотя часть занятости в этом секторе в РС, да и в РГ не отличается высокой продуктивностью и камуфлирует, по сути, скрытую безработицу)[24].

Таблица 1
Динамика структуры занятости в развитых государствах, развивающихся странах и в целом по миру, %

	Сектор	1500 г.	1800 г.	1950 г.	1980 г.	2010 г.
Развитые государства[1]	Аграрный сектор	80	66	24,9	8,5	3,7
	Промышленность и строительство	10	17	34,8	36	22,4
	Сфера услуг	10	17	40,3	55,5	73,9
Развивающиеся страны[2]	Аграрный сектор	80	77	71	62	39,5
	Промышленность и строительство	10	10	12,6	18	22,1
	Сфера услуг	10	13	16,4	20	38,4

[24] В среднем по РГ доля занятых в сфере услуг возросла в 1980–2010 гг. на треть – с 55–56% до 73–74% (см. табл. 1). При этом, однако, если в Италии и Японии этот показатель в итоге не превысил 67–70%, составив в Германии и Франции соответственно 70 и 74–75%, то в Великобритании он достиг почти 79, а в США 81–82% (см.: The World Bank. World Development Report, 2013. Washington, D. C., 2012, p. 352–353). Таким образом, в последние десятилетия ряд РГ сильно продвинулся по пути «дематериализации» экономики.

В целом по миру	Аграрный сектор	80	75	59,8	51,5	34
	Промышленность и строительство	10	11	18	21,5	22,1
	Сфера услуг	10	14	22,2	27	43,9
Доля в мировой занятости	Развитые государства	20	17	24,3	19,6	15,3
	Развивающиеся страны	80	83	75,7	80,4	84,7

Примечание. 1. Страны Запада и Япония. 2. Страны Востока (без Японии) и Юга, а также страны, имеющие ныне переходную экономику.

Составлено и рассчитано по: Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde du XVI siècle à nos jours. Paris, 1997, tome 1, p. 597; tome 2, p. 189; tome 3, p. 740; Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris, 1998, p. 69; ILO. Global Employment Trends, 2012. Geneva, 2012, p. 98–99; The World Bank. World Development Indicators, 1998, p. 52, 60; Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. Под ред. чл.-корр. И.С. Королева, 2003, с. 529–538; Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии, с. 110, 161.

Уменьшение доли РГ в приросте глобальной занятости – с 32–34% в 1800–1913 гг. до 22–23% в 1913–1950 гг., 13–14% в 1950–1980 гг. и 8–10% в 1980–2010 гг. происходило на фоне значительного снижения их удельного веса в увеличении индустриальной занятости в мире – с 52–55% в 1800–1950 гг. до 19–21% в первые послевоенные десятилетия и (-) 8–10% в 1980–2010 гг. Что касается сферы услуг, то ее вклад в прирост общей занятости вырос в среднем по миру с 26–29% в 1800–1950 гг. до 32–34% в 1950–1980 гг. и 68–70% в 1980–2010 гг., в т. ч. в РС соответственно – с 18–20% до 24–25 и 62–64% и в РГ – с 48–50% до 90–92 и 132–136%[25].

Вместе с тем в послевоенный период среднегодовые темпы прироста производительности (в расчете на занятого) в сфере услуг в целом по РС и РГ отставали, как минимум, на треть от показателя по всей экономике (это отставание стало в среднем вдвое больше, чем в XIX – первой половине XX века). Если в 1950 г.

[25] В странах Запада и Японии абсолютная численность занятых сократилась в аграрном секторе в 1950–1980 гг. наполовину, в 1980–2010 гг. – более чем на две пятых, в индустриальном секторе в первый период – выросла почти в полтора раза, а во второй – снизилась на одну пятую (рассчитано по источникам к табл. 1).

в среднем по странам Запада и Японии продуктивность труда в сфере услуг была в полтора раза выше, чем в индустриальном секторе, то спустя шесть десятилетий она оказалась почти на 1/10 ниже, чем в последнем[26].

По нашим расчетам и оценкам, ускорение глобального экономического роста при переходе от доиндустриальной к индустриально-сервисной модели развития[27] (с 0.3–0.4% в год в 1500–1800 гг. до 1.5–1.7% в 1800–1950 гг. и 4.6–4.8% в 1950–1980 гг.) было вызвано примерно на 1/3–2/5 увеличением вклада занятости, на 2/5–1/2 – производительности в основных секторах мировой экономики и почти на 1/5 – повышением вклада перемещения рабочей силы из отраслей с низкой в отрасли с более высокой производительностью труда[28]. Замедление среднегодовых темпов роста мирового ВВП до 3.4–3.6% в 1980–2010 гг. (или примерно на четверть по сравнению с первыми послевоенными десятилетиями) связано соответственно на 1/10 и 9/10 с уменьшением вкладов прироста занятости и производительности (компенсирующий эффект межотраслевой передислокации рабочей силы составил не более 5–7%).

Замедление практически целиком определялось почти двукратным снижением среднегодовых темпов прироста ВВП в РГ (соответственно с 4.5–4.7 до 2.4–2.6%), которое было вызвано на 1/7 уменьшением вклада прироста занятости, на 1/5 – снижением эффекта перемещения труда[29] и примерно на 2/3 – уменьшением вклада прироста производительности, в т. ч. во вторичном секторе – на 13–15%, в сельском хозяйстве – на 20–22% и в сфере услуг (самый большой сектор, в котором концентрируется

[26] Согласно недавно опубликованным данным Всемирного банка, в 1995–2010 гг. отношение уровня производительности в сфере услуг к соответствующему показателю по индустриальному сектору заметно снизилось в США, Японии, Германии и Канаде (см.: The World Bank. World Development Report, 2013. Washington, D. C., 2012, p. 360–361).

[27] По основным секторным источникам роста ВВП.

[28] Более детальный анализ этих процессов по РГ и РС автор планирует в одной из следующих работ.

[29] Этот показатель по РГ снизился, по нашим уточненным оценкам, с 10–12% в 1950–1980 гг. до 3–4% в 1980–2010 гг. Между тем в РС, в которых, как отмечалось, в послевоенный период значительно ускорились сдвиги в структуре занятости, он, напротив, повысился соответственно с 16–18% до 28–30%.

как продуктивные, так и не очень продуктивные рабочие места) – на 29–31%[30].

5. Динамика нормы капиталовложений, их эффективности и совокупной факторной производительности

Переход к современному экономическому росту (СЭР) в моделях С. Кузнеца, А. Льюиса, У. Ростоу взаимосвязан с увеличением нормы капиталовложений. Имеющаяся информация позволяет предположить, что доля валовых капиталовложений в ВВП выросла в среднем по миру с крайне низкого уровня в 2–4% в 1000–1800 гг. (возможно, 4–5% в 1500–1800 гг.) до 9–11% в 1800–1950 гг., когда ныне развитые страны, а также (в конце этого периода) ряд латиноамериканских и будущих переходных экономик осуществляли индустриализацию[31]. В целом по РГ этот индикатор увеличился с 4–6%[32] до 12–14%, а в среднем по РС – с 2–3% до 6–8%.

Используя несложную методику, встречающуюся в работах Р. Харрода, Е. Доммара, публикациях Всемирного банка, можно

[30] Расчеты произведены с использованием следующей формулы: $\Delta Y/L = \sum_{i=1}^{n} L_{i\,00} \cdot \Delta (Y_i/L_i) + \sum_{i=1}^{n} Y_{i0}/L_{i\,0} \cdot \Delta (L_i/L_0) + \sum_{i=1}^{n} \Delta (L_i/L) \cdot \Delta (Y_i/L_i)$, где Y/L, Y_i/L_i, Y_{i0}/L_{io} –производительность труда, в т.ч. в i-й отрасли и в базовом периоде; L_i/L, L_{io}/L_0 – доля i-й отрасли в совокупной занятости, в т.ч. в базовом периоде. Первая компонента – эффект суммарного роста производительности труда по отраслям экономики, вторая компонента – эффект межотраслевого перемещения рабочей силы, третья компонента – совместный эффект производительности и перемещения рабочей силы. Исчислено по источникам к табл. 1 и граф. 2 и 3, а также: Мельянцев В.А. Развитые и развивающееся страны, с. 198–199; Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris, 1998, p. 56; Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. Под ред. чл.-корр. И.С. Королева, 2003, с. 517–521.

[31] Многие страны Востока и Юга, оказавшись в состоянии колониальной или полуколониальной зависимости, были, как известно, лишены возможности проводить сколько-нибудь эффективные реформы.

[32] Для сравнения: в Римской империи эпохи раннего принципата доля чистых капиталовложений в национальном продукте, по оценке Р. Голдсмита, составляла порядка 2%. А. Мэддисон полагал, что ввиду активного инфраструктурного строительства, которое осуществлялось в те времена, доля валовых инвестиций в ВВП могла достигать 6.5% (Goldsmith R. An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire // The Review of Income and Wealth, 1984, N 3, p. 284; Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD. New York, 2007, p. 46).

определить, что ускорение роста в целом по миру (с 0.1–0.2% в год в 1000–1800 гг. до 1.5–1.7% в 1800–1950 гг.) было примерно на ½–3/5 вызвано повышением нормы капиталовложений и на 2/5–1/2 – увеличением их эффективности, или снижением коэффициента предельной капиталоемкости (в РГ – соотношение факторов было обратным)[33].

Развитие цивилизации сопряжено, как известно, с немалыми издержками, в т.ч. урбанизационными, инфраструктурными, социальными, экологическими и др.[34] Поэтому в том, что на следующем этапе СЭР (в 1950–1980 гг.) ускорение мирового роста (до 4.6–4.8% в год) было «оплачено» значительным повышением нормы инвестиций (в среднем до 23–25%; вклад этого фактора в ускорение роста в среднем по РГ и РС достиг ¾–4/5, а соответственно эффективности капвложений, наоборот, снизился до 1/5–1/4), на мой взгляд, нет ничего удивительного. Люди вообще быстро привыкают к хорошему, воспринимая эффективность (везение и др. приятные обстоятельства) как норму, забывая предостережение Д. Рикардо о возможности наступления фаз убывающей отдачи ресурсов.

Между тем наступившее в мире в последние три десятилетия существенное (в РГ – резкое) замедление среднегодовых темпов экономического роста – соответственно на четверть (до 3.4–3.6%) и почти наполовину (до 2.4–2.6%) – произошло при сохранении в целом по миру достигнутой в первые послевоенные десятилетия нормы капиталовложений. В среднем по РС она, правда, несколько выросла (с 22–24 до 26–27%, составив в 1980-е годы 26–27%, в 1990-е годы 25–26 и в 2000-е годы 28–29%), а в целом по РГ – сократилась (с 24–26 до 21–22% и соответственно до 23–25%, 21–23 и 17–19%). При этом в среднем по миру коэффициент предельной капиталоемкости роста увеличился на треть – с 5.1 в 1950–1980 гг. до 6.9 в 1980–2010 гг. Однако в РС, куда, ввиду их сравнительно более низких издержек производства, в условиях глобализации и ИР из центров мирового хозяйства интенсивно переводятся бизнесы, показатель по-

[33] Рассчитано по формуле: $\mathbf{Ln\ (Y_j/Y_i) = Ln\ [\ (M_j/M_i) * (F_j/F_i)]}$, где **Y**, **M** и **F** – соответственно среднегодовой темп прироста ВВП, норма капиталовложений в среднем за период и их эффективность (показатель обратный коэффициенту предельной капиталоемкости роста), $_i$ и $_j$ – соответственно предыдущий и последующий периоды.

[34] См., например: Ferguson N. Civilization. The West and the Rest. London, 2011.

высился всего на 1/6 – с 4.8 до 5.6, а вот в РГ он вырос намного больше – в среднем почти на три пятых (с 5.4 до 8.5, в т.ч. до 7.5 в 1980-е годы, 8.8 – в 1990-е и 10 – в 2000-е годы (см. граф. 8–10)[35].

Многочисленные исследователи вслед за Т. Шульцем и Г. Бэккером, Дж. Кендриком и Э. Дэннисоном пишут о возрастающей роли в экономическом развитии вложений в человеческий капитал. По нашим расчетам и оценкам, доля инвестиций в образование, здравоохранение и науку выросла в мире при переходе к СЭР практически на порядок – с мизерных 0.2–0.3% ВВП в течение первых восьми столетий прошлого тысячелетия до 2.5–3.0% в 1800–1950 гг. (в будущих РГ – с 0.4–0.6% до 3–5%, в РС – с 0.1–0.3% до 1.4–1.8%), увеличившись впоследствии, в первые послевоенные десятилетия в 4–5 раз до 12–13% (в РГ – до 14–16%, в РС – до 6–7%), что, как мы уже отмечали, сопровождалось ускорением экономического роста, повышением ИЧР.

График 8.

Однако рост этих валовых затрат не может быть (долгое время) почти экспоненциальным. Сам рост этих показателей приводит к обесценению достигнутого, ибо человеческий капитал так же, как и основной капитал, имеет обыкновение достаточно быстро амортизироваться физически и морально[36]. Новые знания,

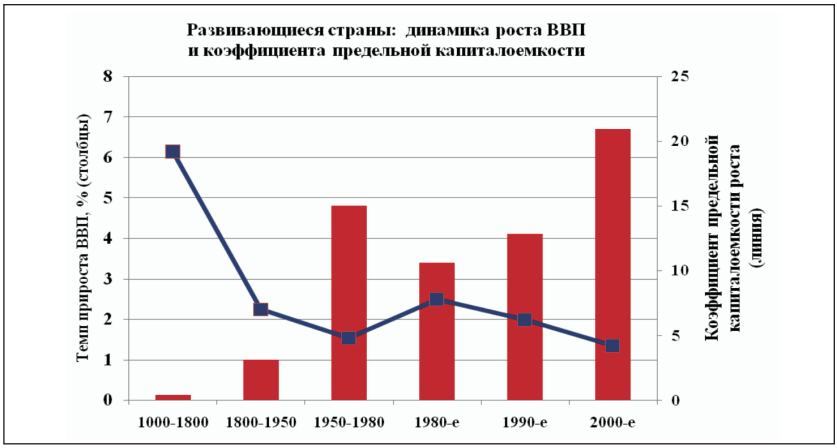
[35] Расчеты выполнены по данным и источникам к граф. 8–10.

[36] Если 20–30 лет назад полученного высшего образования хватало на 20–25 лет практической деятельности, то сейчас – всего на 5–7 лет, а в отраслях, интенсивно использующих или «производящих» НТП, – на 2–3 года

методы, подходы, когнитивные практики нередко убивают старые навыки и знания, а дальнейший рост продолжительности жизни и здоровья населения требует все более мощных удельных вложений.

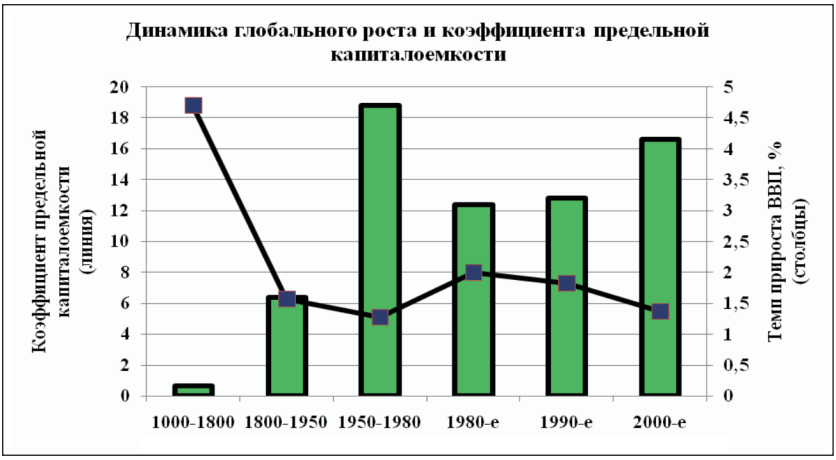
Расходы на развитие человеческого капитала (в принятых в работе границах – в образование, здравоохранение, науку) достигли в целом по миру в 1980–2010 гг. солидного размера – 16–17%, или 1/6 его ВВП. В РС они, правда, составили более скромную величину 8–10%, но – немалую для их более низкого уровня доходов. А вот в РГ этот показатель с учетом расходов на неформальные виды образования и переподготовки кадров в целом за последние три десятилетия достиг 21–23% их ВВП. Это в целом неплохо, так как в среднем по странам Запада и Японии доля инвестиций в человеческий капитал в совокупных расходах на формирование человеческого и физического капитала (без учета жилья) выросла, по нашим оценкам, примерно с 1/10 в течение нескольких столетий, предшествовавших промышленной революции, до ¼ – 1/3 в 1800–1950 гг. 2/5 – ½ в 1950–1980 гг. и почти 3/5 в последние три десятилетия (по РС аналогичный индикатор увеличился, но скромнее – соответственно с 1/10 до менее 1/5, ¼ и менее 1/3).

График 9.



(См.: Садовничий В.А. Высшая школа России: традиции и современность // Новая и новейшая история, 2003, №2, С. 10; Степанова Т.Е., Манохина Н.В. Экономика, основанная на знаниях. М., 2008, с. 105).

График 10.



Граф. 8–10 рассчитаны по источникам к граф. 2, а также: Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD. New York, 2007, p. 381; The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D. C., 2012, p. 244; Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии, с. 63, 83, 89, 113; он же, Как это произошло, с. 26–27, 29; он же, Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен, с. 112, 181, 204.

Однако, если к весьма солидной «квоте» ВВП, расходуемой в РГ на формирование человеческого капитала, присовокупить другие социальные траты развитых, но стареющих обществ, полученный таким образом индикатор своеобразной «цивилизационной нагрузки» может достигнуть, как минимум, от трети до двух пятых ВВП, а с учетом выросшей с начала СЭР нормы капвложений – ½ – 3/5 ВВП[37]. Представляется, здесь коренится немалое противоречие развития. В конечном счете, такая ситуация приводит к сдерживанию роста личного потребления дееспособной и работающей части населения, лишая ее ряда экономических стимулов[38]. Рост стано-

[37] Рассчитано по источникам к граф. 2–3, 8–10, а также: Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны, с. 9, 122; он же, Восток и Запад, с. 118; он же, Как это произошло, с. 26, 29; Lindert P. Growing Public. Social Spending and Economic Growth Since the Eighteenth Century. Vol. 1. Cambridge, 2010, p. 12–13; The World Bank. World Development Indicators, 2012, p. 84, 102, 334; The UNDP. Human Development Report, 1994; 2007; 2011.

[38] О торможении в РГ темпов прироста ВВП и эффективности, связанном помимо рассмотренных выше причин с недонакоплением физического капитала, стагнацией уровня расходов в ВВП на образование и НИОКР, уменьшением де-

вится очень дорогим. Если бы в РГ не происходило наращивание внутренних и внешних заимствований[39], принявших, как известно, в последнее десятилетие огромный масштаб и приведших к глобальному финансовому кризису[40], то рост личного потребления, скорректированный на увеличение инвестиций в человеческий капитал, в последние три десятилетия в расчете на душу населения составил бы, возможно, всего около 1% в год, а для большинства

мографического дивиденда, замедлением роста качества в системе образования и отсутствием прорывных успехов в фундаментальной науке (кроме информационных и отчасти био- и нано- технологий), см.: Полтерович В.М. Модернизация – это творческий процесс // Эксперт, №26 (711), 5 июля 2010; Мельянцев В.А. Сдают ли развитые страны развивающимся свои позиции? // Мировая экономика и международные отношения, 2009, №12; Carneiro R., Lee S. Trends in Quality-Adjusted Skill Premia in the United States // The American Economic Review, 2011, vol. 101, N 6, p. 2309; Gordon R. Is U.S. Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds. NBER. Working Paper 18315. Cambridge (MA), 2012.

[39] В целом по экономически продвинутым странам показатели общего размера выданных кредитов и рыночной капитализации (по долевым бумагам), отнесенные к ВВП, удвоились соответственно за тридцать и двадцать лет (1980–2010 и 1990–2010 гг.), достигнув 164–165% и 95–97%. При этом индикатор «финансовой глубины», включающий также данные о стоимости деривативов, оказался, как минимум, в 10–15 раз больше. Заметим, что аналогичные индикаторы в целом по РС (без учета деривативов) в обозначенные периоды увеличились еще «круче» (с 30–31 до 72–74% и с 18–19 до 72–73%) в немалой мере за счет стремительной финансиализации экономики Китая, что, в конечном счете, привело к ее заметному перегреву (составлено по: The World Bank. World Development Indicators, 1998, p. 256; 2003, p. 272; 2012, p. 286, 298; Россия в полицентричном мире, с. 42).

[40] Гипертрофированное развитие сильно дерегулированного финансового сектора, доля которого в ВВП США, несмотря на замедление экономического роста, в 1981–2008 гг. удвоилась (до 8%), а в общем объеме корпоративных прибылей страны – увеличилась в 2.5 раза (до 2/5), сопровождалось сверхконцентрацией в нем основной массы (в США в 2007 г. 80%) банковских кредитов, нарастанием масштабов рискованного инжиниринга (в т.ч. финансового мошенничества) и токсичного виртуального богатства. Последовавший кризис, который в немалой мере был спровоцирован быстро растущей задолженностью менее состоятельных семей, «подсевших» на необеспеченные (субстандартные) кредиты, привел к резкому росту частной, и, в конечном счете, государственной задолженности, объем которой, отнесенный к размеру ВВП, увеличился в США с 55% в 2000 г. до 101% в 2011 г., в Еврозоне – с 69 до 88%, в Японии – с 135 до 206% (см.: Стиглиц Дж. Крутое пике. М., 2011, с. 17, 204–209, 325–327, 350, 387–389; Botox and Beancounting // The Economist, April 30th, 2011; Kumhof M., Rancière R. Les inegalités, moteur de la crise financière // Problèmes économiques, 2011, N 3023, p. 10–13; Laurent A. Réformer sérieusement nos finances // Commentaire, 2012, N 138, p. 341; Wolf M. We Still Have That Sinking Feeling // The Financial Times, July 10, 2012 (www.ft.com/intl/cms/s/0/c57b0d1e-ca81-11e1-89be-00144feabdc0.html#axzz20Kte4b7R).).

населения экономически продвинутых стран (поскольку в них происходил заметный рост неравенства по доходам, богатству и потреблению[41]) он был бы существенно меньше. При этом предельная капиталоемкость роста личного потребления оказалась бы, по меньшей мере, в полтора раза выше показателя, рассчитанного по росту ВВП[42].

Развивая сказанное, заметим, что согласно расчетам, представленным в граф. 11–13, переход к СЭР ознаменовался повышением среднегодовых темпов прироста совокупной факторной производительности (СФП). Однако в целом по миру и, в частности, в РС они все еще сравнительно невысоки и обеспечивают в среднем от четверти до трети прироста ВВП. В РГ вклад СФП в увеличение ВВП выше[43], но учтенные темпы прироста этого показателя сократились в среднем более чем вдвое за последние три десятилетия[44].

---

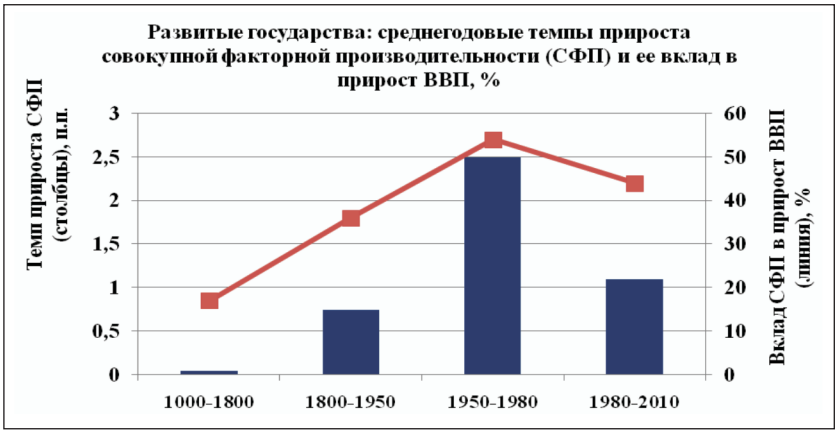
[41] Рост неравенства, обусловленный значительным дерегулированием в мире финансовой сферы и трудовых отношений, глобализацией рынка рабочей силы, а также снижением в ряде РГ и РС ставок обложения высоких доходов, привел, в частности, к тому, что в США в 1976–2007 гг. реальная средняя почасовая зарплата американцев практически не увеличилась, в то время как 3/5 прироста ВВП происходило за счет 1% богатейших. В результате доля последних в совокупных доходах жителей США повысилась с 8.9 до 23.5%, а разрыв в доходах между верхушечными 0.1% американцев и низшими 90% населения страны вырос с двадцати- до восьмидесятикратного (см.: Райх Р. Послешок. М., 2012, с. 5, 21, 66; Сакс Дж. Цена цивилизации. М., 2012, с. 35, 83; Frank R. Income Inequality: Too Big to Ignore // The New York Times, October 16, 2010; Zingales L. La crise du capitalisme americain // Problèmes économiques, 2010, N 2994, p. 37; Unbottled Gini // The Economist, January 22nd, 2011; Atkinson A., Piketty Th., Saez E. Top Incomes in the Long Run History // The Journal of Economic Literature, 2011, vol. 49, N 1, p. 9; Kemeny T., Rigby D. Trading Away What Kind of Jobs? // The Review of World Economy, 2012, vol. 148, N 1, p. 14).

[42] Рассчитано по источникам к граф. 2, 8–10, а также: Taming Leviathan // The Economist, March 19th, 2011, p. 4; Lindert, P. Growing Public. Social Spending and Economic Growth Since the Eighteenth Century. Cambridge (MA), 2010, vol. I, p. 12–13; Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны, с. 9, 122; он же, Восток и Запад, с. 118; он же, Как это произошло, с. 26, 29; The World Bank. World Development Indicators, 1998, p. 90; 2012, p. 84, 102, 334; The UNDP. Human Development Report, 1994; 2007; 2011.

[43] Среди РГ существуют немалые различия в доле интенсивных факторов роста (см. Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны, с. 182).

[44] Расчеты источников экономического роста стран ОЭСР, сделанные недавно группой израильских ученых с учетом выявленных более высоких долей в ВВП капитала, показывают, что в действительности в РГ в 1960–2000-е годы темпы роста и вклад СФП в прирост ВВП могли быть несколько ниже, чем раньше считалось (см.: Abu-Qarn A., Abu-Bader S. Getting Income Shares Right. A Panel Data Investigation for Countries of the OECD // Economic Development Quarterly, 2009,

График 11.



В этих условиях ряд быстрорастущих стран Востока и Юга, используя заимствованные технологии, стал подтягиваться к РГ не только по показателю подушевого ВВП и ИЧР, но и по уровню СФП. Китай, в частности, по последнему показателю вырос с 9–14% от индикатора США в 1980 г. до 13–15% в 1990 г., 18–20% в 2000 г. и 22–24% в 2010 г.[45]

vol. 23, N 3, p. 260, 265). Полагаю, что, если в наши расчеты внести поправки, но не одну, а сразу две, а именно скорректировать (в соответствии с новой публикацией Всемирного банка) долю труда (капитала) в национальном доходе в сторону снижения (повышения) и одновременно учесть, что, возможно, оценка официальных темпов прироста ВВП РГ недоучитывала его качество (об этом – в прим. см. ниже), получается, что показатели среднегодового темпа прироста СФП РГ и ее вклада в прирост ВВП, представленные выше, в целом резко не изменятся (см. The World Bank. World Development Report, 2013. Washington, D. C., 2012, p. 358–359).

[45] Рассчитано по следующей формуле: $\mathbf{TFP_c/TFP_u = (Y_c/(L_c^{0.65} * K_c^{0.35}))/(Y_u/(L_u^{0.65} * K_u^{0.35}))}$, где $\mathbf{TFP_c}$ и $\mathbf{TFP_u}$, $\mathbf{Y_c}$ и $\mathbf{Y_u}$, $\mathbf{L_c}$ и $\mathbf{L_u}$, $\mathbf{K_c}$ и $\mathbf{K_u}$ – соответственно уровни СФП, ВВП, занятости и объема основного капитала в Китае и США. Объем капитала рассчитан методом непрерывной инвентаризации, предложенным Р. Голдсмитом. Исчислено по источникам к граф. 2 и 3. Расчеты – ориентировочные, способные отразить динамику процесса. Если же с учетом имеющихся данных и оценок сделать поправку на объем отработанного времени и меру использования производственных мощностей в двух странах, может получиться, что Китай отстает от США по уровню совокупной эффективности не в 4–5, а в 5–6 раз.

График 12.

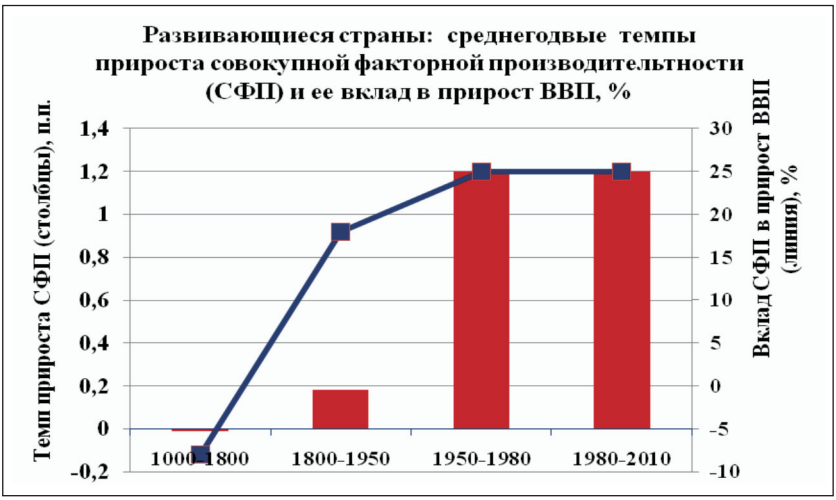
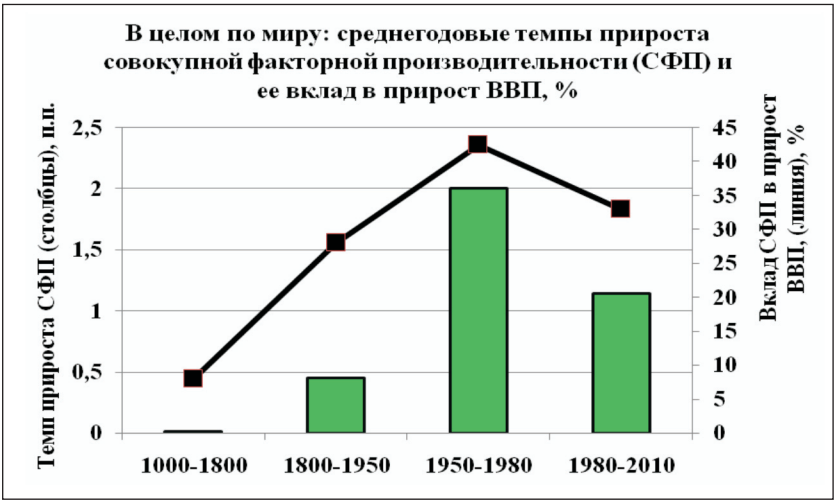


График 13.



Примечания. 1. Рассчитано по формуле: $y = \alpha \cdot l + (1-\alpha) \cdot k + r$, где y, l, k и r – среднегодовые темпы прироста ВВП, занятости, основного капитала и совокупной факторной производительности. 2. Вклад СФП в прирост ВВП рассчитан по формуле: $u = r/y$, %. 3. Средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе (α) и капиталу ($1-\alpha$) взяты равными соответственно в 1000–1800 гг. 0.8 и 0.2; в 1800–1950 гг. 0.7 и 0.3 и в 1950–2010 гг. 0.65 и 0.35.

Графики 11–13 рассчитаны по источникам к граф. 8–10, а также: Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии, с. 58, 95, 121, 198, 190–191, 201, 224; он же, Развитые и развивающиеся страны, с. 18–19, 138, 182, он же, Как это произошло, с. 39–40.

6. Уточнение оценок темпов, уровней и потенциалов развития в экономически более и менее продвинутых странах

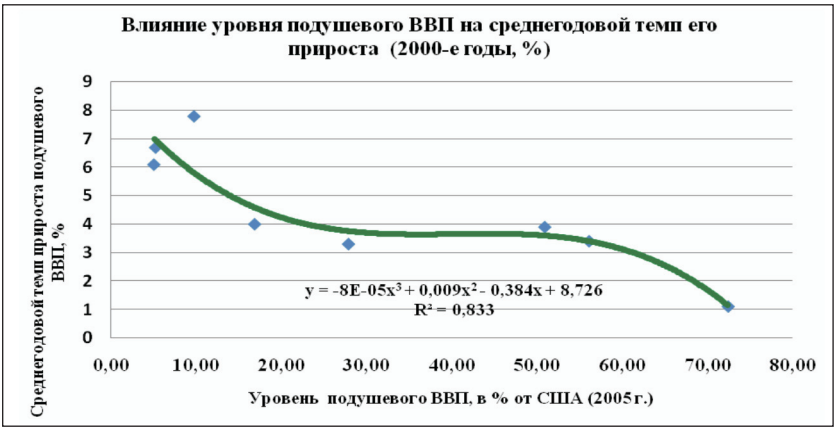
Отмечая немалые сбои в хозяйственных механизмах РГ и существенные достижения в ряде НИС и крупных развивающихся стран, следует иметь в виду, что даже успешные РС испытывают немало финансово-экономических, социальных и экологических проблем. В ряде сценариев будущего развития мировой экономики предполагается *торможение роста азиатских стран* в связи с обострением у них структурных диспропорций, возникновением *«ловушки среднего уровня развития»*[46]. Наш расчет по ряду успешных азиатских стран показывает, что достижение, например, 20% уровня подушевого ВВП США (в КНР в 2010 г. 16%) может, при прочих равных условиях, «сбить» среднегодовой темп его прироста до 4–5% (см. граф. 14). Кстати, в Китае, в котором, по предварительным оценкам, в 2011–2012 гг. подушевой ВВП достиг примерно 17–18% от уровня США[47], произошло, судя по расчетам, сделанным профессором П. Чованеком из универ-

[46] Речь идет об уменьшении демографического дивиденда и эффекта межотраслевого перемещения занятых в КНР, удорожании рабочей силы и юаня, невозможности продолжать рекордное по темпам наращивание капиталовооруженности труда. См.: Asia 2050. Realizing the Asian Century. ADB. Singapore, 2011; Eichengreen B. et al. When Fast Growing Economies Slow Down. NBER, Cambridge, MA, 2011; China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. The World Bank, Washington, D. C., 2012; Торможение Китая. Специальный доклад // Эксперт, 2012, № 42 (824), с. 40–63. К тому же, учитывая исторические прецеденты, вряд ли можно ожидать, что передовые государства «без боя» сдадут свои позиции догоняющим странам (см. об этом: Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М., 2010, с. 31).

[47] Рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2012, p. 21–22, 42–44, 210–213; The IMF. World Economic Outlook, October 2012, p. 190, 194.

ситета Цинхуа на основе композитных индикаторов, замедление роста ВВП до 4–5% в год[48].

График 14.



Рассчитано по группе азиатских НИС, КНР, Индии, Вьетнаму и Японии по: The World Bank. World Development Indicators, 2008. P. 8–10; 2011. P. 194–196; ADB. Key Indicators for Asia and the Pacific, 2011. Manila, 2011. P. 161, 173.

Между тем, судя по данным граф. 15 и 3, несмотря на некоторое *сокращение относительного разрыва* в подушевом ВВП и ИЧР между РГ и РС, произошедшее в целом за последние три с небольшим

[48] См.: Anderlini J. Economists Weigh a Chinese ‘Hard Landing’ // The Financial Times, August 19, 2012 (http://www.ft.com/intl/cms/s/0/cc05e828-e860-11-e1-8ffc-00144feab49a. html#axzz246ERrLAs). В дискуссиях, развернувшихся в последнее время о путях развития современного Китая, обсуждаются такие острые проблемы, как несбалансированно высокий уровень накопления и соответственно низкий уровень потребления, препятствующие углублению и расширению внутреннего рынка страны, низкий уровень собственных технологических разработок, сохранение имитационной модели развития и превалирование экстенсивных факторов роста; эффективность его финансовой системы; возросшие в стране уровень коррупции, дифференциации доходов и богатств, а также экологическое неблагополучие (см.: Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009, с. 92–101, 440–492; Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. М., 2010, с. 316–320, 395–400, 621–636; Хуан Я. Капитализм по-китайски. М., 2010, с. 275–346; Roach St. The Next Asia. New Jersey, 2009; Meyer Cl. La Chine, centre du monde // Etudes, 2010, N 4124, p. 440–442; Gulard M. Le modèle chinois ateint-il ses limites? // Problèmes économiques, 2010, N 3006, p. 17; Leichman E. L’Argent cache des Chinois // Problèmes économiques, 2011, N 3021, p. 12–15).

десятилетия[49], *абсолютный разрыв* в этих показателях между ними заметно вырос. По ВВП в расчете на душу населения в 1950–1980 гг. – более чем в три раза, в 1980–2012 гг. – в 1.6–1.7 раза, а по ИЧР – соответственно в полтора и в 1980–2010 гг. – в 1.2 раза.

При всех немалых достижениях РС, в т. ч. стран БРИКС и некоторых других динамично растущих РС, в целом они сильно уступают РГ по научно-технологическому уровню. В 2010 г. разрыв между РГ и РС по величине подушевых расходов на НИОКР и числу поданных заявок на патенты в расчете миллион жителей составлял, по разным вариантам подсчетов, 10–12-кратной величины, а по количеству опубликованных научных статей на миллион человек разрыв достигал 16–18 раз. Хотя доля экономически продвинутых стран в мировом экспорте высокотехнологических товаров сократилась с 78–82% в 2001 г. до 65 – 70% в 2010 г., на них приходится львиная доля (в 2001–2010 гг. свыше 9/10, на США – более половины) мировой экспортной выручки от продажи патентов и лицензий[50].

График 15.

[49] В частности, по первому показателю он вначале, в 1950–1980 гг. увеличившись с 6.3 до 8.4 – кратной величины, затем, по предварительным данным, за 2012 г. опустился до 5.5–5.6, т. е. достиг значения более низкого, чем в 1950 г.

[50] Рассчитано по данным граф. 15, а также: The World Bank. World Development Indicators, 2003, p. 204, 304; 2012, p. 24, 334.

Примечание. Данные за 2012 г. – предварительные.
Рассчитано по источникам к граф. 3, а также: The IMF. World Economic Outlook, October 2012, p. 190, 194.

При всех имеющихся трудностях, переживаемых ныне РГ, их инновационно-креативная модель роста себя вовсе не исчерпала. Если, «когда все успокоится», а воздействие кризиса несколько ослабнет, и американцы, возможно, вместе с японцами и некоторыми европейцами возьмутся, как предполагается, за новый мегапроект – освоение глубокого космоса, многим из ныне быстрых стран, но с более слабыми научно-исследовательскими и институциональными системами, до них, скорее всего, будет просто не дотянуться[51].

К тому же следует иметь в виду, что ныне действующие в РГ системы национальных счетов, созданные для оценки роста индустриализирующихся стран, производящих стандартные товары массового производства, все в меньшей мере способны уловить структурные и качественные сдвиги в их во многом уже постиндустриальных экономиках[52]. Судя по имеющимся расчетам и оценкам, в действительности дефляторы валового продукта в странах Запада и Японии не занижены, как иногда об этом пишут, в т. ч. в популярной литературе у нас и за рубежом. Наоборот, с учетом значительно возросшего разнообразия товаров и услуг, улучшения их качественных характеристик (в течение года в РГ треть продуктов заменяется или подвергается существенной модификации), а также более тщательного и своевременного отражения в ценовых индексах изменения структуры спроса на-

[51] См.: Мельянцев В.А. Сдают ли развитые страны развивающимся свои позиции? // Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 12; Покровский В. Землян ждет эпидемия Красной лихорадки // НГ-наука, 24 ноября 2010.

[52] См.: Услуги в современной экономике. Отв. ред. Л.С. Демидова, В.Б. Кондратьев. М., 2010, с. 130 – 149; Современные проблемы модернизации экономики зарубежных стран. Отв.Ред. В. Б. Кондратьев. М., 2012, с. 182 – 183; Nordhaus W. Traditional Productivity Estimates Are Asleep at the (Technological) Switch // The Economic Journal, 1997, vol. 107, N 444, p. 1553 – 1555; Gordon R., Griliches Z. Quality Change and New Products // The American Economic Review, 1997, N 2, p. 86; Moulton B., Moses K. Addressing the Quality Change Issue in the Consumer Price Index // Brookings Papers on Economic Activity, 1997, N 1, p. 354; Hay C. The ‘Dangerous Obsession’ with Cost Competitiveness and the Not So Dangerous Obsession with Competitiveness // The Cambridge Journal of Economics, 2012, vol. 36, N 2, p. 472 – 478.

селения (в последнее время такие альтернативные пересчеты сделаны рядом исследователей) можно говорить о том, что официальные данные о динамике агрегативных дефляторов, скорее всего, завышены. В результате среднегодовой темп прироста ВВП в США и ряде других РГ в последние два десятилетия, возможно, недооценен, как считает ряд экономистов, минимум на 0.2–0.7 проц. пункта[53].

Хотя по размерам ВВП (в ППС) РС, судя по предварительным данным, могут к 2013 г. догнать РГ[54], а Китай к 2016–2017 гг. – США[55] (кстати, по расчетам МВФ, Индия по этому показателю уже в 2011 г. догнала Японию)[56], следует учитывать, что по величине *национального богатства* в 2010 г. Япония и США соответственно в 2.6 и 3.2 раза превосходили Индию и КНР, имея при этом его качественно иную, постиндустриальную структуру (граф. 16). Примечательно, что объем человеческого (интеллектуального) капитала США, который наращивается не только усилиями американцев, но и благодаря внушительной иммиграции умов, превосходит совокупный объем национального богатства (по всем трем элементам) Японии, Китая, Индии и России. В последней, к сожалению, доля интеллектуального капитала, во-первых, меньше, чем у других стран «пятерки», а во-вторых, в тенденции сокращается, что ограничивает возможности ее эффективного встраивания в передовые эшелоны мировой экономики 21-го века.

---

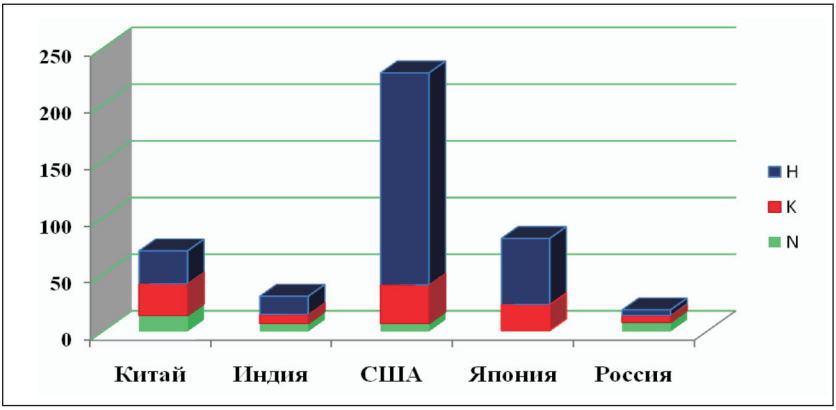
[53] См.: Bils M. Do Higher Prices for New Goods Reflect Quality Growth or Inflation? // The Quarterly Journal of Economics, May 2009, vol. CXXIV, Issue 2, p. 637, 672–673; Mulligen, van, P. Quality Aspects in Price Indices and Its International Comparisons. Voorburg, Statistics Netherlands, 2003, p. 154–155; Tortella G. The Origins of the Twenty-First Century. New York, 2008, p. 323; Corrado C., Hulten Ch. How Do You Measure a ‘Technological Revolution’? // The American Economic Review, 2010, vol. 100, N 2, p. 99–104.

[54] Независимо от того, будут или нет НИС включены в группу РГ. См. также: Emerging Economies Now Have Greater Heft on Many Measures than Developed Ones // The Economist, August 6th, 2011.

[55] См.: ОЭСР: США уступят статус крупнейшей экономики мира Китаю в 2016 г. // Ведомости, 09.11.2012 (http://www.vedomosti.ru/companies/news/5911181/oesr_ssha_ustupyat_status_krupnejshej_ekonomiki_mira_kitayu#ixzz2BjhrLrI6).

[56] См.: The IMF. World Economic Outlook, October 2012, p. 179, 190; OECD. Looking to 2060: Long-Term Growth Prospects. Paris, November 2012.

График 16.
Общий объем и пропорции распределения совокупного национального богатства, ППС, трлн. долл. 2010 г.



Примечание. **N, K, H** – доли в структуре богатства природных ресурсов, физического и человеческого капитала.

Рассчитано по источникам к граф. 2 и 3, а также: The World Bank. Global Economic Prospects, 2011. Washington, D. C., 2011, p. 4; Where Is the Wealth of Nations. Washington, D. C., 2006, p. 171–174.

7. Социально-экономические и политические последствия глобального экономического роста

Хотя, по имеющимся оценкам, доля «очень бедных» людей в мире сократилась с 82–85% в 1700–1820 гг. до ¾ в 1870 г., 2/3 в 1910 г., ½ в 1960 г., 1/5 в 1992 г. и 1/10[57] в 2008 г., а «просто бедных» (критерий – подушевое дневное потребление ниже 2 долл.

[57] В исторически длинных сопоставлениях в качестве критерия взят уровень подушевого дневного потребления менее 1 долл. в ППС 2005 г. Если взять за критерий «планку» менее 1.25 долл. в ППС 2005 г., то, согласно данным Всемирного банка, в 2008 г. доля сильно нуждающихся людей в мире окажется на уровне 17–19%, в т.ч. в целом по РС 22–23% (составлено и рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D. C., 2012, p. 72). Чтобы не агравировать ситуацию, заметим, что современные «критически бедные», пользуясь многими благами цивилизации и, добавим, глобализации, имеют, к примеру, среднюю продолжительность предстоящей жизни от рождения примерно вдвое, а уровень грамотности – в 3–5 раз более высокие, чем бедняки, жившие два-три столетия назад (см. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии, с. 61; The World Bank. World Development Indicators, 2012, p. 96, 130, 132–133).

в ППС 2005 г.) – соответственно с 92–95% до 89–91%, 82–84%, 68–72%, 49–51% и 28–32% в 2008 г., абсолютное число последних, неуклонно возраставшее в течение столетий до середины (конца) 1990-х годов, уменьшилось практически за десятилетие, вследствие существенного прогресса, достигнутого, прежде всего, в КНР, более чем на 1/7 – с 2.7–2.9 млрд. до 2.3–2.5 млрд. человек в 2008 г.[58]

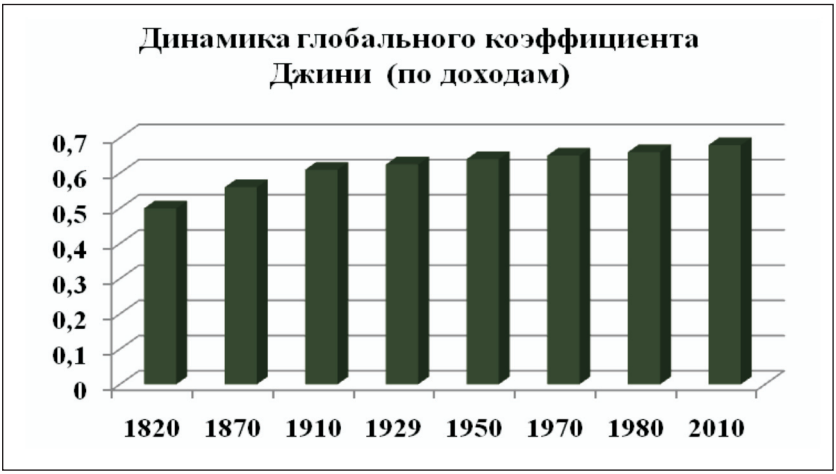
В то же время, несмотря на то, что впервые за последние два столетия в 1980–2000-е годы произошло, как уже отмечалось, определенное уменьшение относительного разрыва в подушевом ВВП *в целом* между РГ и РС[59], в каждой из двух групп стран имело место существенное увеличение внутристранового нера-

[58] В Китае показатель сократился с 800–900 млн. в 1993–96 гг. до менее 400 млн. в 2008 г., в то время как, например, в Индии он вырос соответственно с 760–790 млн. до 860–870 млн., в Африке южнее Сахары – с 430–470 млн. до 560–570 млн. (см. The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D. C., 2012, p. 72). Подчеркнем, что многие вопросы, связанные с оценкой уровней бедности и распределения доходов, носят дискуссионный характер (см., например: Шишков Ю.В. Уровень бедности в современном мире: методологические споры // Мировая экономика и международные отношения, 2006, №1, с. 3–14; он же, Глобальная дифференциация подушевых доходов: некоторые вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения, 2006, №3, с. 3–12; The World Bank. World Development Indicators, 2012. Washington, D. C., 2012, p. 68, 73, 77; Wolf M. A Stepping Stone from Poverty // The Financial Times, December 12, 2001; Sutcliffe R. World Inequality and Globalization // Globalization and Economy, vol. 1. James P., Gills B., editors. Los Angeles, 2007, p. 276–307; Deaton A. Price Indexes, Inequality and the Measurement of World Poverty // The American Economic Review, 2010, vol. 100, N 1, p. 5–34; Morrison Chr., Murtin F. Inegalités et pauvreté depuis trois siècles // Commentaire, 2012, N 138, p. 313). Считается, что доля (критически) бедных завышается в международной статистике, поскольку недоучитываются в бедных семьях эффект т. н. самопотребления, в т. ч. натуральных продуктов и нерыночных услуг, а также социальные трансферты.

[59] О процессах конвергенции в РГ и, наоборот, дивергенции в РС см.: Жуков С.В. Развивающиеся страны: углубление дифференциации // А.А. Рогожин, отв. ред. Современное состояние бизнес-среды развивающихся стран. М., 2006; Фридман Л.А. Процесс глобализации и его воздействие на развитые и развивающиеся страны. М., Издательский Центр ИСАА при МГУ, 1999; он же, О многовариантности международных экономических сопоставлений // Россия в окружающем мире. М., 2006; Эльянов А.Я. Перспективы и проблемы развивающихся стран // Мир на рубеже тысячелетий (прогноз развития мировой экономики до 2015 г.). Под ред. акад. В.А. Мартынова, чл.-корр. А.А. Дынкина. М., 2001, гл. 7; он же, К вопросу о догоняющем развитии // А.М. Петров, отв. ред. Восток как предмет экономических исследований. М., 2008; Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны, с. 69–70.

венства[60]. В результате глобальное неравенство по доходам в обозначенный период, как и в прошлом, продолжало углубляться[61] (см. граф. 17).

График 17.



[60] За последние три десятилетия неравенство в распределении доходов, напомним, существенно выросло в большинстве РГ, стран с переходной экономикой, в ведущих странах и регионах развивающегося мира за исключением Бразилии. По имеющимся данным, коэффициент Джини (по доходам) на рубеже 2000-х – 2010-х годов составил в Китае, Мексике и Нигерии 0.47 – 0.49, в Индии и Бразилии 0.54 – 0.55, в Южной Африке 0.63 – 0.64. (См.: For Richer, for Poorer // The Economist, October 13th, 2012 (http://www.economist.com/node/21564414); Like a Peace of String // The Economist, October 13th, 2012 (http://www.economist.com/node/21564419); Rhee Ch. Inequality Threatens Asia Growth Miracle // The Financial Times, May 7, 2012 (http://www.ft.com/intl/cms/s/0/fba71e2c-9607-11e1-9d9d-00144feab49a.html#axzz1wOBj0Vda); The World Bank. World Development Indicators, 2012, p. 74 – 76; Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны, с. 161 – 167).

[61] Автор вовсе не разделяет точку зрения, согласно которой увеличение неравенства *вообще* контрпродуктивно. Заслуживает внимания концепция А.Ю. Шевякова о т.н. справедливом неравенстве (см.: Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. М., 2002). Однако, скорее всего, превышение порогового значения коэффициента Джини по доходам в 0.35 – 0.40 может усиливать напряжение в экономических и социально-политических структурах обществ (см.: Колодко Гж. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? М., 2011, с. 79). Согласно результатам регрессионной модели, рассчитанной Р. Бенабу, снижение неравенства доходов со сравнительно высокого уровня на одно стандартное отклонение может, даже учтя действие других факторов, увеличить рост подушевого ВВП на 0.5 – 0.8 проц. пункта, что, заметим, весьма существенно (см.: Benabou R. Inequality and Growth// NBER. Macroeconomics Annual. Cambridge (MA), 1996, p. 13).

Примечание. Индекс учитывает внутристрановое и межстрановое неравенство. Изменяется от 0 до 1 (максимальный уровень неравенства по принятому критерию).

Составлено и рассчитано по данным и источникам к граф. 3 и 15, а также материалам Ф. Бургиньона и Х. Моррисона: For Richer, for Poorer // The Economist, October 13th, 2012 (http://www.economist.com/node/21564414).

Разумеется, в мире в 1980–2000-е годы заметно сократилось неравенство по показателям продолжительности предстоящей жизни от рождения, достигнутого уровня начального и среднего образования и «информационно-цифрового» потребления[62]. Но остается и, скорее всего, растет глобальное неравенство по доступу к высококачественному высшему образованию и другим качественным услугам, а также распределению мирового богатства. По данным отчета банка Credit Suisse за 2012 г., подготовленного группой международных экспертов под руководством Э. Шоррокса и Дж. Дэвиса, в мире бедные и менее состоятельные 50% мирового (взрослого) населения владеют всего 1% глобального богатства, в то время как преуспевающие 10% – 86%, а самые богатые 1% – 46% его совокупного объема[63]. И хотя расчеты ориентировочные, а сама методология требует уточнений, они в целом свидетельствуют, если не о взрывоопасной, то о весьма тревожной тенденции.

Напряжение в мире, несмотря на многие экономические и социально-культурные достижения за последние два столетия с начала современного экономического роста, остается

[62] См.: Sutcliffe R. World Inequality and Globalization // Globalization and Economy, vol. 1. James P., Gills B., editors. Los Angeles, 2007, p. 298; Romer P. What Parts of Globalization Matter for Catch-Up Growth? // The American Economic Review, 2010, vol. 100, N 2, p. 94–98.

[63] Credit Suisse. Global Wealth Report 2012. Geneva, 2012, p. 15. При этом в России, перешедшей в последние два десятилетия к отнюдь, мягко говоря, не самой эффективной модели капитализма, уровень неравенства в распределении богатства просто зашкаливает. Самые богатые 1% россиян сконцентрировали 71% всех личных активов страны, в то время как в Индии и Индонезии 1 перцентиль владеет 49% и 46% всего личного богатства, в Африке – 44%, в США – 37%, в Китае и Европе – 32%, в Японии – 17% (см.: Гуриев С., Цывинский О. Россия – лидер по распределению богатства // Ведомости, 06.11.2012). Отношение совокупного богатства миллиардеров к объему ВВП в России (18.6%) на три четверти выше, чем в Индии и США (10–11%) и почти в три раза больше, чем в Германии и Бразилии (6–7%). См.: For Richer, for Poorer // The Economist, October 13th, 2012 (http://www.economist.com/node/21564414).

значительным. Происходит накопление неустойчивости, избыточной конфликтности, вызванных в немалой мере обострением ряда экономических, социальных, экологических и иных проблем[64]. Наблюдается эскалация числа терактов, убийств и самоубийств, социальных протестов, революций, локальных войн[65]. И не следует успокаиваться на том, что за прошедшие две трети столетия не было крупных потрясений. О том, что мир, связанный капиталами и торговлей, ждет светлое будущее, устойчиво говорили многие ровно сто лет назад, накануне большой мировой катастрофы[66]. Между тем процент людей, погибших на нашей планете в результате разнообразных конфликтов и социального насилия, удвоившись в XIX в. по сравнению с уровнем XVI–XVIII вв., в прошлом столетии вырос в два-три раза по сравнению с позапрошлым[67]. И, хотя после второй глобальной войны был создан ряд надгосударственных институтов, мир нуждается в намного более совершенных глобальных регуляторах, работающих на многосторонней основе,

[64] По мнению экспертов, к 2050 г. голод и засуха двинет в путь 200 млн. мигрантов, что на порядок больше, чем общее число беженцев в 2010 г. По оценкам, число ядерных держав примерно к этому времени может удвоиться. Опасность распространения ядерного оружия нет смысла обосновывать. Замечу лишь, что, отвечая на ранее заданный велим физиком Э. Ферми вопрос, почему людям до сих пор, насколько известно, не встретилась ни одна внеземная цивилизация, американские ученые Й. Шкловски и К. Саган еще в 1967 г. дали подкрепленный математическими выкладками ответ: ни одна ядерная цивилизация не способна продержаться более 100 лет – происходит взаимоуничтожение составляющих ее обществ. Тем самым они сделали предположение, надеюсь весьма ориентировочное, о возможной (при неблагоприятном стечении обстоятельств) «точке сингулярности» для Земли – 2045 г. (См.: Morris I. Why the West Rules for Now. The Patterns of History and What They Reveal About the Future. London, 2011, p. 601, 607, 613–614; The World Bank. World Development Indicators, 2012, p. 384).

[65] К началу 2010-х годов не менее чем в половине стран мира отмечался высокий или очень высокий уровень социально-политической нестабильности. См.: Political Instability Index (http://viewswire.eiu.com/site_info. asp? info_name=instability_map&page=noads. (Accessed 11.15.2012). См.: Феллер В. В смуту XXI века. Самара, 2002; Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы. М., 2010; Масарский М.В.. Неустойчивость порядка. Очерки философии истории. М., 2010; Смил В. Глобальные катастрофы и тренды: следующие 50 лет. М., 2012.

[66] См.: Morris I. Why the West Rules, p. 607.

[67] Рассчитано по: Давыдов А.А. Системная социология. М., 2007, с. 34; Onwards and Upwards // The Economist, December 19th, 2009. Эта тема – предмет глубоких исследований профессора А.П. Назаретяна (См., в частности, Антропология насилия и культура самоорганизации. М., 2007).

имеющих больший международный вес и способных обеспечить *полноту* реализации международных контрактов[68].

Это весьма важно, поскольку, после начала дерегулирования глобальной экономики в середине 1970-х годов, интенсивность финансово-экономических кризисов в мире, в зависимости от способа подсчета, выросла в 4–6 раз по сравнению с первыми послевоенными десятилетиями[69]. Мировые рынки, что бы ни говорили ультралиберальные экономисты об их способности адекватно вбирать информацию и оказывать оптимизирующее воздействие на экономику (гипотеза эффективного рынка Е. Фамы), имеют в действительности ограниченную эффективность, ибо рынки реагируют главным образом на краткосрочные прибыли. Что касается теории равновесия, то она, по мнению многих известных экономистов, покоится на слабых основаниях.

Чикагский экономист лауреат Нобелевский премии Р. Лукас, который еще в 2003 г. заявил, что «макроэкономика преуспела: ее центральная проблема предотвращения депрессии была решена», в 2009 г., отвечая на вопрос Елизаветы II о состоятельности этой науки, признался, что экономическая теория не может адекватно прогнозировать кризисы[70]. Как заметил Х. Дэвис (директор Лондонской школы экономики в 2003–2011 гг.), «ценовые движения, которые, как предсказывают модели, должны происходить раз в миллионы лет, наблюдались несколько раз в неделю на протяжении последних пяти лет»[71].

Экономисты, стремящиеся свои модели сделать такими же элегантными, как сама математика, весьма часто, как известно, прибегают к нереалистичным допущениям, например, о рациональных игроках, обладающих (почти) полной информацией и действующих

[68] См.: Россия в полицентричном мире, с. 56, 65; Attali J. Demain, qui gouvernera le monde? Paris, 2011.

[69] См.: Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., 2011, с. 269; Rodrik D. The Globalization Paradox. Why Global Markets, States, and Democracy Can't Coexist. Oxford, 2011 p. 109.

[70] См.: Kay J. Economics Fails to Resolve Exceptions to the Rule // The Financial Times, September 6, 2011; Rodrik D. The Globalization Paradox. Why Global Markets, States, and Democracy Can't Coexist. Oxford, 2011, p. 157; Caballero R. Macroeconomics after the Crisis: Time to Deal with the Pretense-of-Knowledge Syndrome // The Journal of Economic Perspectives, 2010, vol. 24, N 4, p. 85, 101.

[71] См.: Davies H. Economics in Denial // Project Syndicate, August 22, 2012 (http://www.project-syndicate.org/commentary/economics-in-denial-by-howard-davies.).

на практически эффективных рынках. Как указывает известный американский фондовый аналитик Н. Талеб, экономисты должны больше уделять внимание не равновесным, а неравновесным процессам, поскольку экстремальные явления происходят все чаще. Кстати, по имеющимся расчетам, за последние 50 лет половина прибыли на мировых фондовых рынках получена за 10 дней[72].

График 18.

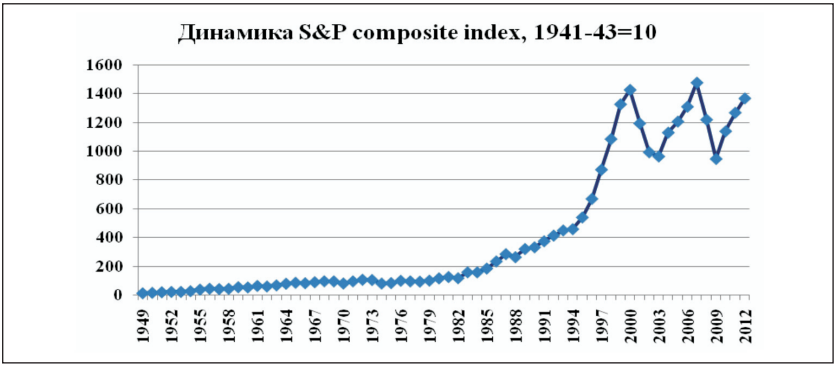
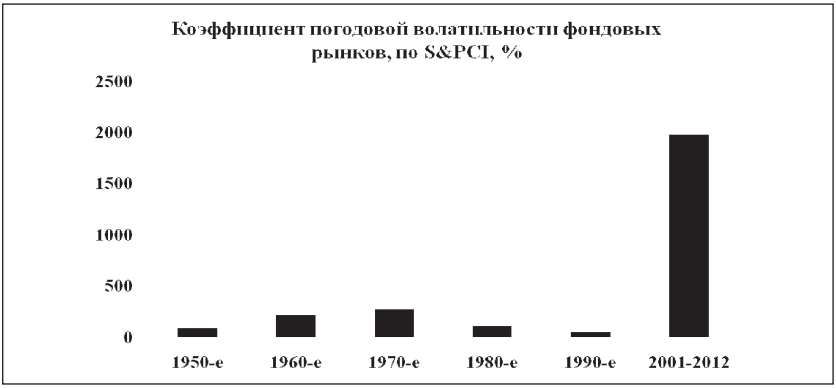


График построен по данным: Economic Report of the President. Washington, D. C., 2012, p. 428–429; Markets Overview (http://www.bloomberg.com/markets), accessed 11.15.2012.

График 19.



Рассчитано по данным граф. 18.

[72] См.: Балацкий Е.В. Рец. на книгу Н. Талеба «Черный лебедь» // Мировая экономика и международные отношения, 2010, №6, с. 90; Coy P. What Good Are Economists Anyway? // The Businessweek April 16, 2009; What Went Wrong with Economics // The Economist, July 16th, 2009.

Между тем волатильность фондовых рынков, если судить по данным о (только) погодовом изменении композитного индекса S&P (см. граф. 18 и 19), многократно выросла в последние десятилетия (в 1980–2012 гг. по сравнению с 1950–1979 гг. в четыре раза, в 2001–2012 гг. по сравнению с 1950–1990-е гг. в 13 раз).

Прогноз (вместо заключения)

Поскольку по многим компонентам мирового развития, кроме, пожалуй, демографического, «слишком далеко заглядывать вперед недальновидно» (здесь я согласен с У. Черчиллем)[73], считаю разумным при необходимости ограничиться среднесрочным прогнозом. Используя несложную модель, рассчитанную три года назад[74], можно в порядке первого приближения предположить, что в течение ближайшего десятилетия среднегодовой темп при-

[73] В отдаленной перспективе не исключены разного рода бифуркации, которые бесполезно пытаться предугадать. Также трудно, например, вычислить принципиально плохо измеримые факторы и т. н. «неизвестные неизвестные» (immeasurable unknowns, unknown unknowns) (см.: Big Questions and Big Numbers // The Economist, July 15th, 2006; Cottrell R. The Future of Futurology// The World in 2008 (www.economist.com/theworldin.) (12-15-2007); Economic Forecasts: Hard to Rely On? // The Finance and Development, 2008, September). Как говорится, если хочешь рассмешить Бога, скажи ему о своих планах на будущее.

[74] См.: Мельянцев В.А. Перспективы мировой экономики: меняющаяся роль основных участников // Вестник МГИМО – Университета, 2010, №4 (13), с. 164–166. Расчет произведен и апробирован по данным крупных стран мира за 2000-е годы с использованием весьма важных и, что не менее ценно при прогнозе, *стабильно-инерционных характеристик роста* – исходного уровня подушевого дохода (который в принципе известен) и предполагаемой средней за период нормы капвложений. О ней, учитывая исходное состояние экономик, в т. ч. по РГ (большой уровень задолженности и одновременно императивная необходимость обновления производственного аппарата для преодоления в тенденции депрессионно-замедленного роста), а также публикуемые в международных и страновых стратегиях развития оценки ее предполагаемого изменения, можно составить необходимое представление с некоторой бо́льшей уверенностью, чем по ряду других детерминантов роста.

$$\mathbf{Z = 2.7 - \underset{(0.01)}{0.13Y_o} + \underset{(0.04)}{0.19M}, \text{ adj. R-squared} = 0.79,}$$

где **Z** = среднегодовой темп прироста ВВП (%), $\mathbf{Y_0}$ – подушевой ВВП, в ППС, долл. в начале периода; **M** – средняя норма капиталовложений, 2005 г., ППС 2005 г., %. Рассчитано по материалам международной статистики, важнейшими из которых были: National Accounts Main Aggregates Database (http://unstats.un.org/unsd/snaama/selbasicFast. asp); New Purchasing Power Parity Estimates from the 2005 International Comparison Program // The World Bank. World Development Indicators, 2008. Washington, D. C., 20008, p. 8–10. Коэффициент детерминации достаточно высок, основные параметры статистически значимы на уровне менее 5%.

роста глобального продукта (без поправки на его качество) составит 3–4%, т.е. будет ниже, чем в 2000-е годы[75], но, с учетом растущего влияния РС, скорее всего, выше, чем в 1980–1990-е годы (в т.ч. в РГ – максимально 2–2.5%, а в РС, включая и т.н. переходные экономики, – не более 5–6%). В итоге в течение 2009–2020 г. произойдет определенная рокировка: в глобальном ВВП доля РГ сократится с 52–53% до 42–43%, РС (и переходных экономик, без РФ) увеличится – с 44–45 до 54–55%, а доля РФ – останется на уровне 3%.

Как представляется, прогресс в современном мире, быстро сжимающемся благодаря возросшей моще коммуникаций и интенсивности социально-культурных взаимодействий, в немалой мере[76] будет зависеть от того, сможет ли он перейти от прежней, действовавшей на протяжении тысячелетий парадигмы развития, основанной по преимуществу на жадности, страхе, безответственной самоуверенности[77], к более устойчивой, назовем ее *конкурентно-контрактной,* модели, где социальная связанность и сплоченность людей (т.н. social cohesion)[78], не подавляя креативность индивида, как это нередко случалось в традиционных и тоталитарных социумах, станут, хочется верить, играть все большую роль.

---

[75] Как недавно заметил в одном из своих интервью К. Рогофф (гарвардский профессор, гроссмейстер по шахматам, автор серьезных исследований по истории и современному состоянию мировых финансов), говоря о перспективах мировой экономики, «it's gonna be worse before it gets better».

[76] Сугубо *антропоцентричный* подход к глобальной эволюции человечества, с нашей точки зрения, методологически некорректен. Как сумели показать многие ученые, в т.ч. А.Л. Чижевский, природные, климатические и космические эффекты играют весомую, а на определенных этапах развития, – ключевую роль (А.Л. Чижевский. Космический пульс жизни. М., 1995).

[77] Американский историк и антрополог Я. Моррис отмечал, что» change is caused by lazy, greedy, frightful people looking for easier, more profitable and safer ways of doing things» (Why the West Rules – for Now // The Economist, October 9th, 2010, p. 92).

[78] Английский философ и социолог Г. Спенсер подчеркивал, что «эволюция – это переход от несвязанной гомогенности к связанной гетерогенности». Как показывают исследования, создание в обществе более или менее приличного уровня доверия, уменьшая транзакционные издержки, существенно повышает эффективность его функционирования. И, наоборот, нарастание в нем несправедливого неравенства (по А.Ю. Шевякову), ликвидация социальных лифтов, предательство элит (по А. Сену) его разрушают. Это весьма возможно, предопределило гибель многих цивилизаций в прошлом (см.: Zak P., Knack St. Trust and Growth // The Economic Journal, 2001, vol. 111, April, p. 306; Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. London, 2012).